

УДК 356.13
ГРНТИ 03.23.31

«ПОСТАВИТЬ ПОЧТУ ПО ГОРОДАМ И ГОНЯТЬ ПО ЯМАМ НАСКОРО, ДНЕМ И НОЧЬЮ С ВЕЛИКИМ ПОСПЕШАНИЕМ»

Роль полевой почты в Северной войне (1700-1721) России против Швеции

О. Л. Мальцева, У. В. Фортунова

В статье на основе обширного круга источников рассматривается тенденция развитие военно-почтовой связи в русской армии как средства коммуникации и особенности ее работы в войне России против Швеции. Богатый опыт организации почты, накопленный в XVII веке, был широко использован императором Петром I. Им были проведены серьезные преобразования в почтовой службе для повышения ее роли и возможностей, ставших очевидными в ходе применения в военной кампании. Была учреждена почта от Москвы до Архангельска, «почта в полки» подверглась реорганизации, и в соответствии с документами 1712 года впервые появилось выражение «полевая почта», а Воинский устав 1716 года стал содержать правила действия полевой почты. Все это способствовало улучшению управления войсками и победе в войне.

Ключевые слова: Северная война (1700-1721), архангелогородская почта, почтовые тракты, полевая почта, Русский Север, управление войсками, русская армия.

Тяжелая и длительная Северная война (1700-1721), начавшаяся с неудач и окончившаяся полной победой России, имела для нее огромное значение. Основная цель Северной войны – борьба за выход к Балтийскому морю – была завещана Петру I предшествующей историей Московского государства. Как известно, в начале XVII века Швеция, воспользовавшись трудным предложением России, отрезала ее от Балтийского моря, захватив земли с городами Ивангород, Орешек, Корела. Попытка вернуть эти исконно русские земли, предпринятая с середины XVII века отцом Петра, царем Алексеем Михайловичем, оказалась безуспешной вследствие отсутствия флота и общей военной отсталости Московского государства.

С тех пор как Россия утратила выход в Балтийское море, Архангельск стал единственным морским портом, через который огромная страна могла торговать с Западной Европой. Шведское королевство, внимательно следившее за развитием северной торговли, энергично убеждало голландских, немецких, французских, английских куп-

цов плавать с товарами в порты Балтики. Это обогащало бы Швецию и ущемляло интересы России. И вот в начале Северной войны, в которой Московское государство пыталось вернуть земли на балтийском побережье, шведы задумали одним мощным ударом лишить ее международной торговли.

Шведское руководство отлично сознавало, что не имевшая на Балтике и Белом море флота Россия не была способна вести морскую борьбу. Препятствий для внезапного удара не предвиделось.

Предстоящая Северная война требовала установления надежной регулярной государственной связи Архангельска с центральной Россией. Важное значение приобрел тракт, известный с конца XV века под названием Беломорского торгового пути (Беломорского пути). Он шел от Москвы на Ярославль, Ростов, Переяславль и Вологду, затем реками Сухоной и Северной Двиной или Вагой и Северной Двиной до Холмогор и Архангельска (рис. 1.).

Дорога от Москвы до Вологды была с хорошо организованной ямской гоньбой: по этой дороге на расстоянии

500 верст устроено было четырнадцать ямов. Каждый ям находился от другого на тридцать и на сорок верст [5, С. 82], со станциями, обеспечивающими смену лошадей, с перевозами через реки, с таможенными постами. Ямские лошади предназначались для государевых гон-

цов и людей, ехавших по казенной надобности. Но из донесений англичан, торговавших в России, видим, что этими лошадьми могли пользоваться и купцы, как русские, так и иностранные, имея при себе вид из Приказа и платя известные прогоны [6, С. 167].

Рис. 1. Почтовые тракты русского севера. Краеведческий музей г. Архангельск.

Летний путь по этой дороге был труден, по причине лесов, болот и дурных дорог; ямщики выезжали на небольшой телеге, запряженной в одну лошадь. Торговля не теряла своей деятельности круглый год, но особенно оживлялась зимой. Зимой ямщики ездили очень быстро: от Архангельска до Вологды на снях за 8 суток, а от Воло-

гды до Москвы тратили не более 5 суток. Особенно быстро производилось движение по казенной надобности; благодаря этому, государь, по словам Петрея [14, С. 400-401], каждую неделю получал новые известия о том, что делалось на отдаленных границах его государства. Чтобы не было остановки при смене лошадей, ямщики, подъезжая к яму, производили

громкий свист, на который из двора тотчас выводили свежих лошадей.

В случае промедления ямщиков сажали в смрадные темницы и безжалостно секли розгами. Благодаря такой строгости и наказанию, каждый проезжал большие расстояния за один день, доставляя царские поручения.

От Вологды далее по Северной Двине (Беломорский водный путь) на сотни верст растирался необжитый край, где каждое небольшое поселение было обнесено крепостной стеной и называлось городом. Английский посол Рандольф и другие англичане, неоднократно ездившие по Северной Двине, говорят, что здесь по берегам только этой реки встречались значительные селения: вообще же большая часть этого края, по их словам, была вовсе необитаема, покрыта лесами, среди которых изредка попадались луга и пашни [6, С. 225].

Хотя в середине XVII века еще при царе Алексее Михайловиче была создана почта в Архангельске, но регулярное почтовое сообщение отсутствовало. Причинами этого было то, что корреспонденция возилась не круглый год, а только во время прихода иноземных торговых кораблей, т. е. с 1 мая по 1 октября; царские грамоты и бумаги государственных приказов доставлялись бесплатно, а с торговых людей за пересылку писем брали столько, чтобы им «лишней тягости не было».

Неоднократно дьяк Посольского приказа боярин А. Л. Ордин-Нащокин обращался к царю с челобитными о необходимости учреждения Архангелогородской регулярной почты (29 августа 1668, апрель 1669). Целью этого была организация более быстрой доставки правительственных распоряжений в северные города и получения ответов на них от местных воевод. По этой линии связи «грамоты с Москвы и из городов отписки и в приход корабельной всякие ведомости и посылочные торговые письма учнут доходить с поспешанием» [4, С. 136]. Так что канцлер заботился не только о госу-

дарственной корреспонденции, но и о частных «посылочных торговых письмах».

В регулярной государственной почте чувствовалась большая необходимость, но на челобитные А. Л. Ордин-Нащокина никаких указаний от царя не последовало, причины молчания не известны.

Желание познакомиться именно со строительством морских военных судов и организацией государственной торговли и судоходства привела царя в 1693 году в Архангельск. Торговые и промысловые суда для своих нужд поморы строили на Севере и до Петра, а вот в строительстве военных – практики не было. Об этой поездке генерал Ф. Я. Лефорт писал в письме к матери в Женеву, сообщая ей и запланированную дату отъезда: «4 июля мы отправляемся с его царским величеством в Архангельск... Отсюда мы едем в город Вологду, а оттуда в Архангельск водным путем. Никогда ни один царь не предпринимал подобного путешествия» [10, С. 117]. Действительно, Петр I со свитой от Москвы до Вологды ехали по почтовому тракту в каретах, снаряженными лошадьми, а затем водным путем на семи весельно-парусных карбасах реками Сухоной до Великого Устюга и далее Северной Двиной отправились в Архангельск, до которого плыли 18 дней (рис. 2.).

Для осуществления поездки в Архангельск Петру Алексеевичу необходима была регулярная государственная почтовая гоньба, которая была осуществлена только незадолго до его первого¹ отъезда.

8 июня 1693 года последовал указ «Об учреждении почты от Москвы до Архангельска»: «Поставить от Москвы по городам на ямах до Архангельскаго города и назад до Москвы почту; а гонять с тою почтою выборным почтарям Московским и городовым ямщикам с

¹Петр I посещал Архангельск три раза: первый 30.07-19.09.1693 г., второй 18.05-26.08.1694 г. и третий 18.05-5.08.1702 г.

Москвы с их Великих Государей грамотами и со всякими иноземскими и торговых людей грамотками, а от Архан-

гельского города к Москве с воеводскими и гостинными отписками и торговых людей с грамотками» [16].

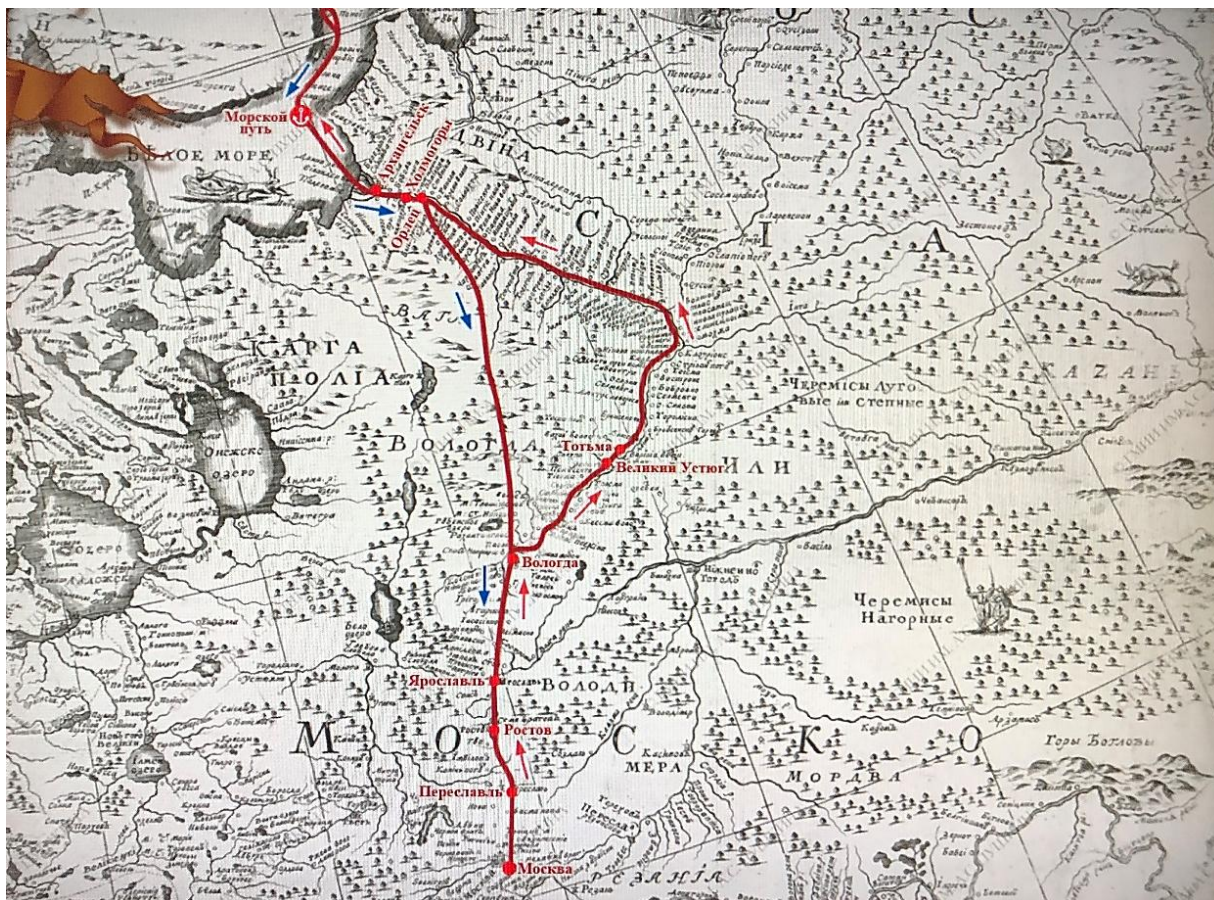

Рис. 2. Первый приезд Петра I на Север, 1693 г. Краеведческий музей г. Архангельск.

Путь почтарей проходил от Москвы на Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологду и далее вдоль рек Вага и Северная Двина через города Вельск, Шенкурск, Холмогоры. Скакали они, «переменяясь по ямам наскоро, днем и ночью с великим поспешанием». Царский указ совершенно точно определил скорость доставки почты: «чтобы перебегать от Москвы до Архангельскаго города, также и от Архангельскаго города до Москвы добрым летним и зимним путем в восьмой и девятый день, а вешним и осенним путем в десятый и одиннадцатый день», остановки на ямах делать в указанные числа и часы. И сказать тем «выборным почтарям с великим подкреплением, чтобы они с тою почтою гоняли наскоро, в час верст по девяти и по десяти, а письма везли бережно в мешках под пазухою, чтоб от

дождя не замочить и дорогою пьянством не потерять» [16]. За потерю или порчу почты ямщику грозила пытка. Ямщики с почтой должны были прибывать в станы в строго определенные часы.

Вся проходящая корреспонденция должна была быть зарегистрирована. Для точности почтари должны на ямах расписываться на особых проезжих столбцах – в каком числе, часу и кто именно на какой ям прибыл и в каком часу отправился. Проезжие столбцы – длинные полосы бумаги шириной 17-18 сантиметров – были заведены на каждом стане. Их подклеивали один к другому, получалась лента в несколько метров длиной. На обороте каждой склейки староста яма ставил свою подпись.

Такие столбцы необходимо было привозить потом в Москву и предъявлять в Посольском приказе; по всем

ямам завести записные тетради, к которых записывать, куда отправлена почта (с Москвы или к Москве), какого числа и часу, кто поехал, целы ль печати на связках. Если печати окажутся не целыми, или письма будут потеряны – ямщика отсылать к воеводе, расспрашивать, его расспросные речи присылать в Москву, в Посольский приказ, а ямщика держать до указа в Съезжей избе.

16 июня последовал именной указ: велено купить для почтарей Архангелогородской почты 15 кожаных сумок, разрезать их на двое, верхние края обшить кожей, пришить ремни; купить 30 железных блях, нарисовать на них масляной краской орлы (чтоб от дождя рисунок не слинял) подклеить под бляхи подкладку, обшить по краям кожей и привязать к ним ремни. Сумки, железо и ремни велено купить на деньги из Новгородского приказа подьячему Ивану Еремееву, и ему все это изготовить; а орлы написать золотописцам Посольского приказа Матвею Андрееву с товарищами. Всю работу велено закончить в 4 дня.

Устройство нового почтового пути возлагалось на Посольский приказ, которому подчинялась русская почта. Все расходы по устройству почты нес Новгородский приказ, в ведении которого находились северные русские города. На средства Новгородского приказа были куплены лошади, телеги, сбруи, кожаные сумки, изготавливались почтовые знаки, а также были отпущены средства на пошив зеленых суконных кафтанов почтарям. Ямской приказ отвечал за сохранность почты, подбор людей на должность почтарей, оснащение станов, за безопасность гоньбы.

В самом Архангельске была учреждена Съезжая изба (почтовая контора). Большую работу проделали городские воеводы. Все это позволило согласно указу с 1 июля 1693 года открыть почтовую гоньбу, а далее ритм гоньбы определялся следующим образом: «почту отпускать... впредь до их, великих государей, указа через день; а впредь

отпускать в неделю, или смотря по времени, буде нужды нет, в две недели одиножды» [20, С. 639]. Через день, и то не всегда, почта отправлялась только во время поездки Петра I в Архангельск с 4 июля по 19 сентября. Далее письма отпускались раз в неделю, и даже в три недели. Это существенно отличало первую внутригосударственную регулярную гоньбу от международной почтовой линии, где почтарь должен был отправляться в путь в точно назначенный день даже без писем в суме. Хотя письма сдавались на дворе почтмейстера, ямщик с корреспонденцией мог уехать только с ведома воеводы, который запечатывал почтовые сумы своей печатью.

Чтобы сравнить скорость передвижения почты воспользуемся книгой Н. И. Новикова «О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, из царствующего града Москва на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатию Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости». В ней подробно, день за днем, описано путешествие Петра Алексеевича и его свиты.

1 июля 1693 года из столицы на ямских подводах выехал Афанасий архиепископ Холмогорский и Важский. Спустя несколько дней, четвертого июля, в дорогу пустился царь: «И благополучным путешествием прииде на Вологду июля 8 в субботу: а преосвященный архиепископ прииде на Вологду 9 числа в неделю (воскресенье)» [21, С. 10].

Таким образом, от Москвы до Вологды архиепископ Афанасий проехал за восемь суток, Петр Алексеевич – за трое. С такой же скоростью скакали почтари: в летние месяцы они должны были пробегать этот путь за трое-четверо суток; далее до Архангельска почта доходила за 5 суток, т. е. за восемь-девять дней; а

весенними и осенними месяцами за десять-одиннадцать дней.

Подготовка к войне готовилась в тайне, и было очень важно, чтобы сведения о военных приготовлениях не были перехвачены противником.

Есть все основания утверждать, что был перехват писем, было их вскрытие, была и перлюстрация писем. Так, в октябре 1699 года, во время переговоров с шведскими послами, была объявлена претензия [7, С. 101] – Рижский почтмейстер задерживал и распечатывал заграничные письма. Это показывает, что перлюстрация писем, адресованных в Россию со стороны шведов, была, причем конечно Рижский почтмейстер нес государственную службу.

Но есть и другие доказательства. Одна из заграничных почт, шедших через Ригу, бывшую под властью Швеции, пропала 18 января 1700 года. Впоследствии почта нашлась, но вскрытая и без некоторых важных писем.

Главный почтмейстер А. А. Виниус доносил [12, С. 59]. Петру I в апреле месяце о найденной почте, но на почтовых суммах печати были рижские, что одна печать была снята, что пропали письма, адресованные к Андрею Бутенанту (комиссару датского короля в Москве) и что, вынув, нужные для них письма, шведы подбросили почту.

Почта пропала 18 января, найдена 6 апреля в 3-х верстах от почтовой дороги из Риги в Псков, «сумы были в снегу, заплесневели и письма в них мокры, и печати, которыми они были закреплены, целы, толко на другой стороне печати ремень перерезан или порван» [12, С. 68].

В настоящем случае была не просто перлюстрация, а прямая кража писем.

На обеих суммах печати были рижские, следовательно, почта прошла через руки рижского почтмейстера, находившегося в письменных сношениях с А. А. Виниусом.

Пропали письма важные, адресованные к «королевского величества комиссару» [17], Андрею Бутенанту, комиссару датского короля в Москве, только что заключившего союз с Петром I.

Во всяком случае, Петр I остался недоволен Виниусом, но гроза разрозилась над Виниусом через год после пропажи писем и через полгода после Нарвского поражения.

После пропажи почты Петр I стал изыскивать новые пути для доставки корреспонденции. И к весне 1700 года почта пошла через Кенигсберг и Вильно [12, С. 333-335].

В марте 1700 года была установлена гласная цензура частных писем. Этим документом определялось, что на почтовых станах вся корреспонденция принимается запечатанной, каждую грамотку внимательно прочитывают и «высматривают в них подлинно» сообщения военного характера: «А буде такие грамотки явятца и их за море не посылать, а присылать в государев Посольский приказ». Распоряжение царя было вывешено на почтовых дворах, доведено до сведения всех иностранцев, живущих в России, и вынудило их прекратить пересылку военных вестей. Принятые меры оказались очень эффективными.

Как видим, почта в Поморье служила, прежде всего, интересам правительства и административного аппарата. Имеется целый ряд указаний на то, какие правительственные учреждения пользовались почтой для административных, судебных, а в особенности – финансовых целей. Также правительство имело и свои промышленные интересы. В период 1698-1700 гг. по Архангельской почте активно пересылалась корреспонденция Московских учреждений, всего их было 36 [4, С. 482-483] (табл. 1).

**Список Московских учреждений, участвовавших
в корреспонденции по Архангелогородской почте в 1698-1700 гг.**

Адмиралтейский приказ	Иноземский приказ	Оружейная Палата	Ратуша
Аптекарский приказ	Казанский приказ	Печатный приказ	Рейтарский приказ
Большого Дворца приказ	Каменных Дел приказ	Поместный приказ	Семеновское
Большой Казны приказ	Конюшенный приказ	Посольский приказ	Сибирский приказ
Бурмистрская Палата	Корабельная Палата	Потешный двор (Семеновское)	Стрелецкий приказ
Генеральский двор (Преображенское)	Костромская Четъ	Преображенский приказ	Сыскной приказ
Дворцовый Судный приказ	Малороссийский приказ	Провиантских Дел приказ	Устюжская Четъ
Житный Двор	Московский Судный приказ	Пушкарский приказ	Холопья суда приказ
Земский приказ	Новгородский приказ	Разряд	Ямской приказ

Первая встреча русской армии со шведами в ноябре 1700 года под стенами Нарвы окончилась тяжелой неудачей. Военное искусство шведов оказалось выше и русские войска были разбиты. Как Петр I относился к этому несчастью можно видеть из его слов, сказанных польскому королю Августу II при личном свидании с союзником после Нарвской битвы: «Пусть шведы бьют нас, они выучат нас бить их, когда-же учение проходит без потерь и огорчения» и еще: «Спасибо брату Карлу. Будет время, и мы ему отплатим за уроки» [9, С. 10].

Петром I принимается ряд мер для будущего достижения успеха и во всех принимаемых мерах видна его инициатива.

В конце 1700 года шведы начали готовить отдельный отряд (эскадру) флота для нападения на Архангельск.

Под руководством боярина и воеводы А. П. Прозоровского в Архангельске было осуществлено возведение оборонительных сооружений на Белом море, в частности достройка Новодвинской крепости в дельте Северной Двины, и системы береговых батарей [22, С. 37-44].

Результаты не замедлили сказаться. Уже 25 июня 1701 года батареи строившейся Новодвинской крепости отразили нападение авангарда шведского флота в составе галиотов «Фалькен», «Тева-литет и шнявы «Мъехунден» с отрядом морской пехоты на борту [22, С. 322-323]. Благодаря своевременно принятым мерам и героизму плененных рыбаков-поморов два вражеских корабля сели на мель и после 13-часовой артиллерийской дуэли были захвачены в качестве военных трофеев. Защитники крепости спасли Архангельск от нападения шведского военноморского флота, перед которым была поставлена задача уничтожить город, порт и морскую судоверфь Архангельска и тем самым пресечь торговлю России с западноевропейскими странами. Успех этой акции имел бы для России катастрофические последствия.

Таким образом, у стен строившейся бастионной крепости под Архангельском русские войска нанесли шведам первое крупное морское поражение, разбив передовой отряд шведского флота.

Пленные два шведских судна, пополнили состав Беломорской эскадры.

По случаю победы Петр I написал своему ближайшему соратнику руководителю военно-морского ведомства Ф. М. Апраксину: «Я не мог вашему превосходительству оставить без ведома, что ныне учинилось у города Архангельска зело чудесно... Сим нечаемым счастием поздравляю вам; где чего не чаяли, Бог дал» [12].

Когда случилось отражение шведов от Архангельска Петр I был в Новгороде, а Ф. А. Головин, наведывающий Посольским приказом в Москве. Петр писал Ф. А. Головину 4 августа 1701 года: <...> «О караблях [шведских – авт.], что пишет Измайлов о посылке к Городу [Архангельску – авт.], сие к нему писано, чая от чего Вышней охранил каковаго зла от них действия; и когда за помощью Божиею учинено счастливо над неприятелем, и о том на почте к нему писано и умолчать в тоже время велено, и ни единокрлатно о том подтвержено» [12].

Смысл фраз, следующий: хотя нападение шведской эскадры отбито, но об этом А. П. Измайлов, русский посланник в Копенгагене, не должен разглашать, т. е. этой информации придается важность и секретность. И это приказание повторяется по почте несколько раз.

Эти распоряжения имели особое значение, т. к. через перлюстрацию противник мог понять важность, которую придавало русское правительство отбитию нападения на Архангельск. Распоряжения могли, конечно, на почте и не быть перлюстрированы, но не это важно; важно намерение – навести неприятеля на ложный след.

В ходе Северной войны 26 февраля 1701 года Петром Великим с королем Речи Посполитой и курфюрстом Саксонии Августом II в Биржах был заключен союзный договор, где в статье VIII-ой упоминается о почте: «Еще до отъезду Нашего, главная воинская дума о действе будущего воинскаго похода от-

правлена и что в оной постановлено будет, тому будто бы в сем договоре от слова до слова положено последовати, и потом прилежную и верную пересылку иметь и, ради вящшей удобности, почта даже до пограничнаго места со обоих стран установлена будет; но егда в пребывающем походе, по прилучающимся обстоятельствам, воинскую думу отправить надлежит, и та на стороне его королевского величества с призывом нашего генеральства, а на стороне нашего царского величества с призывом при нашем дворе обретающагося королевского Польского министра чиниться имеет, и тако основательная ведомость о всем намеренном учинена да будет» [12, С. 438].

В 1702 году во время своего третьего путешествия в Архангельск, Петром I была учреждена (помимо обычной) почтовая линия для срочной доставки царских писем – курьерская почта. Главные гражданские почтовые линии усиливаются дополнительным количеством лошадей, а почтари заменяются солдатами и офицерами, которые использовались в качестве курьеров для доставки адресатам корреспонденции. Право выдавать подорожные на ямские и почтовые подводы возлагается на высших государственных и военных чиновников. Почтовые станции на трактах устанавливаются командируемыми для этой цели офицерами или чиновниками. Прокладываются почтовые линии в действующую армию и в места предполагаемых военных действий.

Теперь ритм регулярной почты перестал нарушаться из-за спешных государственных пакетов. Правда, на шестой день в Архангельск почта приходила редко, в основном она проделывала свой путь за семь суток.

Таким образом, в связи с военным временем в зависимости от степени важности и срочности вся корреспонденция была разделена на определенные группы. Обычная почта стала направляться преимущественно почттарями «ординарной» почтой. Особо важные

грамоты, такие как личные распоряжения, всеподданнейшие донесения, доклады на царское имя, направлялись «чрезвычайной» почтой царскими гонцами и нарочными курьерами. Все это положительно отразилось на работе регулярной линии.

После Нарвской неудачи Петр I решил переменить операционную линию и занять линию р. Невы. Но занять эту линию мешали две шведские крепости, одна при истоке – Нотебург, а другая при устье – Ниеншанц. Необходимо было взять обе крепости и тогда вся линия Невы будет в руках русских. С этой целью Петром I были предприняты дипломатические и военно-административные меры для обеспечения успеха взятия крепости Нотебург.

Весной 1702 года Петр I отправился в Архангельск. Петр I выступил из Москвы с войском, с большой свитой и с дипломатической канцелярией, но мало того, он взял с собой сына, царевича Алексея Петровича. Это обстоятельство было известно, конечно, иностранным резидентам в Москве, следовательно, известно и правительствам, аккредитовавшим резидентов в Москву.

Петр I не делает тайны из своей поездки, наоборот делает эту поездку с блеском, пишет дипломатические ноты из Архангельска к Людовику XIV и к Августу II. Делалось это с целью распространить известие, в т. ч. в иностранные газеты, что он в Архангельске и надолго там останется. Путешествие Петра должно было усилить значение, которое придавали в Москве сохранению Архангельска, на который шведский флот якобы намерен напасть во второй раз.

Об этой поездке очень много писалось в амстердамских, кенигсбергских и гамбургских газетах. Можно заключить, что известия о движении русских войск и нахождении Петра достигали Швеции и были там известны.

Петр I, в свою очередь, интересуется тем, что пишут о нем иностранные

газеты: о его поездке с войском для отбития вторичного, предположенного с русской стороны, нападения шведского флота на Архангельск и какие заключения делаются из этой поездки. Еще 25 апреля 1702 года прибыв в Вологду Петр I писал Т. Н. Стрешневу, оставшемуся в Москве: «Пожалуй, опиши, что мои любезнейшие органы станут играть и какие танцы» [13, С. 91-93], т. е. как о его поездке отнеслись иностранные газеты.

Вывод напрашивается следующий: русские несколько иначе пользовались перлюстрацией – сообщая через почту такие сведения, которые заставляли противника делать то, что было выгодно, полезно для русских. Вследствие этого, внимание шведов не было возбуждено грозившею опасностью как замаскированными приготовлениями к взятию крепости Нотебург, так и присутствием Петра в Архангельске.

Весной 1702 года Архангельск стал базой для подготовки похода Петра I к крепости Нотебург, где было положено начало новому выходу России к балтийскому побережью для освобождения русских земель.

В Архангельске Петр приступил к осуществлению давно задуманного им плана. В подробном плане, какой был составлен Петром для взятия Нотеборга имелось несколько важных условий, и главное из них – секретность, т. е. держать в тайне от неприятеля: время и место сбора войск и имя предводителя собирающейся для нападения армии, что могло стать указанием для шведов откуда готовится для них удар, и шведы могли принять меры для предотвращения удара. Этого надо было избегать, поэтому Петр приказал держать весть о предстоящем его прибытии в армию в тайне.

Войска, назначенные для военных действий под крепостью Нотебург, должны были сосредоточиться в Ладогe. Войска сосредотачивались с двух совершенно противоположных сторон, одни из Новгорода с генералом князем Н. И. Репным, другие с самим Петром I из Архангельска.

Место и время сбора войск было определено в письме к Т. Н. Стрешневу: «Ладoga, к августу месяцу» [13, С. 91-93].

Сам Петр прибыл в Ладугу с 5-ю батальонами гвардии и 2-мя малыми фрегатами в середине сентября. Прибыл Петр I из Архангельска через Белое море и Онежское озеро.

Остановимся на прибытии Петра I с войском и судами из Белого моря.

По прибытии в Архангельск, 8 июня Петр I посылает писаря Преображенского полка И. К. Муханова проехать «из Архангельска морем до реки Онеги, а сею рекою вверх, для проведения ближайшего и способного водяного и сухого пути к Олонцу и Новгороду» [11, С. 45], и сержанта Преображенского полка М. И. Щепотева с поручением разведать путь от деревни Нюхча до Повенца: «о приготовлении пути прорубкою просек и настилкою гатей, для переезда двух малых фрегатов в Онежское озеро» [7, С. 127], т. е. к театру военных действий. Последний путь оказался предпочтителен. В распоряжении Щепотева находилось до 5 тысяч местных крестьян. Дорога длиной 160 верст была расчищена на ширину в 3 сажени, чтобы по ней могли пройти 5 гвардейских батальонов, и могли быть протащены два фрегата.

Еще одной задачей команды преобразенцев являлось устройство на всем предстоящем пути следования царя и войск почтового сообщения с северо-западными порубежными регионами страны – городами Олонцом и Великим Новгородом. Цель по прокладке царской дороги объяснялась четко: «...для установления на ямах почтовой гоньбы, и для очищения дорог, и на дорогах, на реках, и на ручьях, и на мхах, и на протоках мостов» [17].

Большое внимание уделялось вопросам быстроты доставки почты и обеспечению ее сохранности. Для учета и повышения ответственности гонцов за сохранность почты, она передавалась от гонца к гонцу под росписку и с от-

меткой передачи, которая содержала, кроме фамилии и имени гонца, год, месяц и время вручения письма.

Так, в наказной памяти об этом сказано: «для почтовой гоньбы по всей дороге от урочища до урочища, росписав по тридцати верст, разставить, выбрав ис тех городов и из уездов посадских и волостных жителей, по 7 человек на сухом пути з добрыми верховыми лошадми, и с седлы, и с уздами, а водяным с лотки, и с кормщики, и з гребцы, и со всякими к ним принадлежащими припасы и приказать тем выборным почтарем под смертным страхом, чтоб они для той почтовой гоньбы, которая пойдет из города Архангельского к Олонцу и в Новгород, также и ис тех городов к городу Архангелскому, были денно и ночью всегда в готовности безотступно и гоняли б они с почтою в оба пути перемена до перемены наскоро денно ж и ночью с великим поспешанием верст по десяти и по 15-ти в час, а водяным путем как бы наискоряе, не мешкая нигде ни за чем, и перемена б у перемены почтовые суммы с писмами принимали с росписками, описывая имянно на подорожной часы, в котором та почта куда прибежит или отпуститца» [17].

Для устройства нового тракта почтовой связи предписывалось провести следующие действия: «А для той почтовой гоньбы в тех местех, чрез которые она гонять будет, в грязных местех, и на реках, и на речках, и на ручьях, и на всяких переправах велеть тамошним жителем учинить мосты, а где возможно, и гатьми огатить, также и в лесах, буде явитца где дорога нерозчищенная, велеть розчистить и зделать везде дорожной проезд свободный тех же городов уездными людьми, чтоб той почтовой гоньбе и во время проходу великого государя служилым людям нигде ни за чем никакие остановки и препоны отнюдь не было» [17].

В наказной памяти о реализации царского проекта так говорится: «А тем выборным почтарям велеть давать им

до его, великого государя, указу, покамест они у той почтовой гоньбы побудут, на прокормление, чем им мочно пропитаться, из мирских доходов тех же городов и уездов з жителей» [17]. Иными словами, содержание почтовых ямов возлагалось на местные волости и целиком ложилось на местные финансовые источники («из мирских доходов»).

Местным жителям предписывалось: «...не отговариваясь ни в чем... в почтовой установке и гоньбе, как водяным, так и сухим путем были б они, городовые и уездные люди, послушны и чинили о всем по тому его, великого государя, указу неотложно, тотчас, безо всякого ослушания» [17].

О том, какое исключительное значение придавалось обеспечению сохранности важных государственных документов, свидетельствует целый ряд правительственных распоряжений, определявших и степень ответственности за утрату перевозимой правительственной корреспонденции. Наказание предусматривалось очень строгое, в зависимости от содержания утраченных документов – вплоть до смертной казни.

Оговорены были и наказания за неисполнение государева повеления: «А буде кто по тому его, великого государя, указу чего не исполнит или им, посланным урядником, в том в чем учинитца ослушен, и тем людем от великого государя быть в смертной казни безо всякие пощады и животы их взяты будут на великого государя бесповоротно» [17].

13 июня М. И. Щепотев распорядился выставить почтовую службу по новому маршруту в трех волостях Крестного монастыря (Устьенской, Тамицкой, Ворзогорской) – всего 12 почтарей с лошадьми [17]. Ранее цепочка почтовых ямов была доведена по уже существовавшим дорогам от Архангельска до переправы, имеющейся в устье р. Онеги. Дальше почтовые ямы устраивались вновь вблизи берега Беломо моря до Нюхоцкой волости, а оттуда – к Повенцу на Онежском озере.

Об устройстве почтовой гоньбы сержант преображенцев М. И. Щепотев сообщал Ф. А. Головину 7 июля 1702 года: «А от города Архангельского и до Онеги-озера почтари верст по тридцати и меньше поставлены. А во всех местах по четыре лошади» [8, С. 76].

Поручик Преображенского полка А. Н. Головкин написал Ф. А. Головину 15 июля 1702 года из Повенца, что сухопутная почтовая связь действует от самого Архангельска до Нюхчи, оттуда до волости Повенец. От Повенца «поставлена почта к Олонцу сухим путем» Далее связь осуществлялась через Свирь к городу Ладога и Великому Новгороду. При этом, как сообщал А. Н. Головкин, «в иных местах ходит почта и воденным путем». Он собирался ехать по тракту почтовой связи к югу и содействовать ее устройству в тех местах, где возможно, отсутствовали, сухопутные участки провоза почты» [8, С. 77]. Об устройстве почтовой службы на всем сухопутном пути от Архангельска до Олонца, до Ладоги и Великого Новгорода сообщал Ф. А. Головину и И. К. Муханов.

Устройство почты силами крестьян-поморов в пределах и за пределами монастырских вотчин описывается в «сказке» келаря Крестного Онежского монастыря старца Памвы, казначея Иоакима и всей братии. Этот документ составлен 6 сентября 1702 года: (через месяц после завершения дороги): «В нынешнем 702 году июня 13-го числа на имянным великого государя указом от Архангельского города чрез вотчину Крестного монастыря в Нюхоцкую волость и за Онего-озеро учинена почтовая гонба, и по вотчине Крестного монастыря на устье Онежском на монастырском дворе и в иных местах по волостем построены ямы, и к тое почтовой гонбе на тех ямах приставлено двенадцеть человек почтарей, и им, почтарем, для той гонбы дано с монастырской же вотчины двенадцеть человеком лошадей добрых. И тем почтарем за тое почтовую гонбу по указу великого государя

платят монастырские ж вотчинные крестьяне по четыре денги человеку на день по вся месяцы, да тем почтовым лошадем исходит в корм овса на месяц по шти четвертей и болши да сена по 25 возов» [17].

Во время пребывания в Архангельске, в Нюхчи, в Повенце, у устья Свири Петр I продолжает получать донесения о сделанном по его распоряжениям, приготовлении судов, артиллерии, шанцевого инструмента для предполагаемого осенью взятия крепости Нотебург, продолжал получать известия об одержанных победах над шведами в Ливонии и Ижорской земле.

Для того чтобы увидеть, насколько Петр I был в курсе относительно хода событий на театре военных действий, насколько эта оперативность влияла на его решения и действия, необходимо рассмотреть с какой **скоростью** ходила почта в то время.

Скорость почты из Архангельска в Новгород и обратно могут определить следующие цифры: Указ Петра I Якову Брюсу, отправленный 8 июля, был получен в Новгороде 20 июля [13, С. 379-381], т. е. через 12 дней.

Письмо А. А. Виниуса из Новгорода 20 июля было получено в Архангельске 27 июля, т. е. через 7 дней [13, С. 379-381]. Следовательно, сроки доставки почты во время пребывания Петра в Архангельске были от 7 до 12 дней.

Во время пребывания Петра в Нюхче пересылка писем стала занимать больше времени.

Донесения Я. Брюса из Новгорода, отправленные 30-го июля и 3-го августа, были получены в Нюхче 16 августа [13], т. е. через 17 и 13 дней.

Донесение, отправленное 10 августа П. М. Апраксиным, получено в Нюхче 17 августа [13], т. е. через 7 дней.

Но было одно донесение, отправленное 28 августа из Повенца, получено в Новгороде князем А. И. Репниным 2 сентября [13], т. е. через 5 суток.

Таким образом, Петр вышел из Архангельска, зная только о готовности подвод и судов. 16 августа в Нюхче Петр получает донесения о готовности артиллерии и шанцевого инструмента, об отпуске этих боевых материалов в Ладогу. 17 августа получает донесение о победе Б. П. Шереметева при Гумоловой мызе, о победе П. М. Апраксина над Крониортом [13, С. 386-388]. 2 сентября по указу царя А. И. Репнин с полками отправляется в Ладогу.

Подобные донесения об успехах задуманных начинаний должны были усилить в Петре уверенность в успехе задуманного им плана – взятия крепости Нотебург осенью 1702 года.

Прибыв в Ладогу, Петр застаёт чрезвычайно благоприятную обстановку для приведения своего плана в исполнение. Соединение войск произошло через несколько дней.

11 октября 1702 года крепость Нотебург была взята внезапно появившимся здесь русским войском и флотом. Шведская крепость была переименована Петром в Шлиссельбург, т. е. ключ-город, «ибо сим ключом отворить врата» к берегам Балтики (рис. 3.).

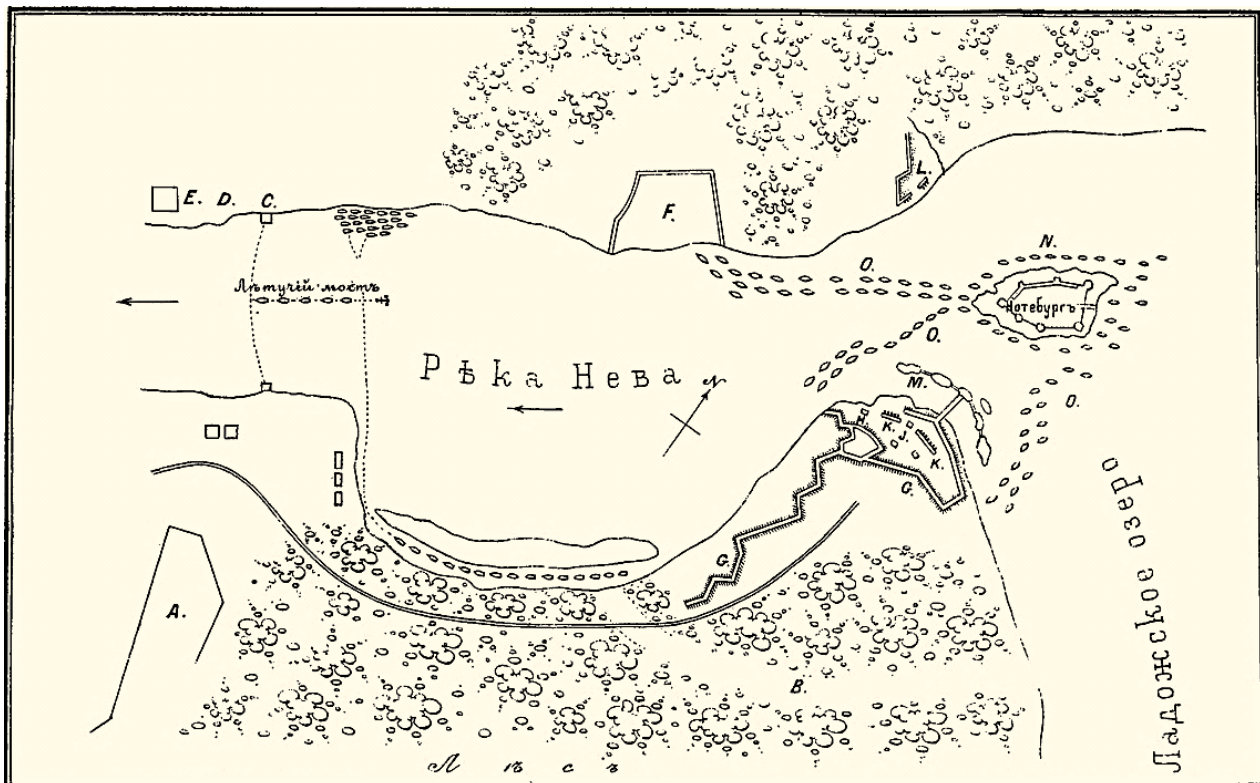

Рис. 3. Штурм крепости Нотебург 11 октября 1702 г.

А. Лагерь русских войск 27 сентября полков Преображенского, Семеновского, Павла Бернера, Ивана Бернера, Буксеевдена, Чемберса, Ромодановского, Репнина, Девгеринова и артиллерии Брюса. В. Просека, по которой до 50 судов 30-го сентября были перетащены из Ладожского озера в Неву. С. Отряд из 1000 человек 1 октября переправился за Неву, разбив шведский пост D и овладел Е. F. Лагерь, занятый 1-го октября на правом берегу Невы полками Брюс, Гулица и Гордона. G. Русские траншеи. H. Мортирная батарея, которой Петр лично командовал в звании Бомбардирского Капитана. I. Мортирная батарея полковника Гошки. K. Две пушечные батареи майора Гинтера. L. Апроши и две батареи, построенные 3-го октября на правом берегу Невы. M. Пост, занятый на острове 4-го октября тремя сотнями. N. Лодки охотников, плывущих на приступ. O. Свежее войско, по отбитии охотников. Из книги Кротков А. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году.

Взяв крепость Нотебург, Петр не мог удержаться, чтобы не поделиться радостью. По этому поводу он отправил несколько писем разным лицам.

В письме к И. А. Мусину-Пушкину писал: «Хотя и бывали у дела, аднако сие кроме всякаго мнения человеческого, учинено, но только единому Богу во славу сие чудо причесть» [13, С. 391-393].

А. А. Винусу: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».

Ф. М. Апраксину: «Истинно вашей милости объявляю, что чрез всякое мнение человеческого сие учинено и только единому Богу в честь и чудо приписать» [13].

А. Стейльсу вместе с другими лицами, Т. Н. Стрешневу, и А. И. Иванову также были посланы письма; в этих письмах, как и в вышеперечисленных, всюду употребляется фраза «о жестоком и чрезвычайно трудном и кровавом приступе».

Взяв Нотебург, Петр переносит свою операционную линию к северу. План его дальнейших действий понятен: необходимо занять всю операционную линию Невы и завоевать Ингрию.

Таким образом, третье путешествие Петра I в Архангельск с войском, с дипломатической канцелярией, с сыном, царевичем Алексеем Петровичем и сообщением в иностранные газеты известий о

путешествии Петра I в Архангельск, было вызвано не действительной опасностью, грозившей Архангельску, а желанием Петра сохранить свой действительный военный план, свое действительное намерение в тайне от противника.

Сохранить свой план в тайне от противника есть настоящее военное искусство. Нарвское поражение было уроком для Петра.

Весной 1703 года Петр берет Ниеншанец. Овладев течением р. Невы, основав при устье новую столицу – Санкт-Петербург, он летом 1703 года берет Капорье и Ямы и, таким образом, в 1704 году, снова подходит к Нарве и берет ее. В 1705 году Петр овладел Кексгольмом и Выборгом.

Вплоть до 1714 года скорая гоньба существовала как «почта в полки», т. е. была приспособлена в основном для нужд армии и строительства русского флота. Поэтому управление скорой гоньбы находилось в руках военных и в первую очередь моряков, хотя формально она подчинялась губернатору А. Д. Меншикову, впрочем, тоже человеку военному.

Таким образом, в результате первых четырех лет войны русская армия вернула отторгнутые шведами от России в начале XVII века земли и на значительном протяжении вышла к берегам Балтийского моря. Непосредственная цель войны была достигнута, однако исход ее в целом решался не здесь.

По указу царя 15 апреля 1704 года началась регулярная почтовая гоньба от Архангельска через Кольский острог до «Дацкого рубежа». Для организации почты на Кольский полуостров был послан капитан Никита Басаргин. Под его руководством было устроено 64 стана на пути в 1124 версты. На каждом стане разместили по два кольских стрельца для скорой почтовой гоньбы. Условия доставки почты были ужасные. Дикими необжитыми землями ехали русские почтари. «А в тех местах мхи великие, и грязи, и места тошлые», – докладывал царю архангельский воевода Ф. А. Голо-

вин [2, С. 76-82]. И все же, несмотря на нечеловеческие условия, стрельцы почту несли летом пешком, а зимой – на лыжах. 26 января 1705 года последовал царский указ о снятии почтарей-стрельцов со станов и прекращении доставки писем от Колы до датской границы.

Во время Северной войны, органы и система управления войсками получила стройную организацию сверху донизу. В марте 1708 года выходит инструкция Петра I «Упреждение к бою по настоящему времени» об учении полевых войск, где требовалось, чтобы офицеры проявляли инициативу самостоятельность в бою «каждый своей ротой командовали» [3, С. 37], а не ждали вмешательства старшего командира. В этом же документе Петр I требовал от подчиненных умения использовать выгодные свойства местности и обстановки, сохраняя связь с соседями.

В боевом порядке не устанавливалось определенного места для командира. Офицеры от командира роты и выше имели право в зависимости от обстановки избирать место для своего расположения, обеспечивающее наилучшие условия для управления.

Для обеспечения связи командир роты имел двух барабанщиков и не менее трех посыльных. Кроме того, при нем состояли специально назначенные два стрелка-лейбшицы (оберегательный стрелок и денщик), которые оберегали командира в бою и использовались в крайних случаях при передаче распоряжений.

«Лейбшиц» держится всегда у своего начального человека. И когда офицер во время близости с неприятелем, для чего похочет послать, то употреблять оно, а не солдат. Капитан имеет всегда обыкновенно двух таких при себе, и на бою они всегда за капитаном. Им подобает иметь оружие огненное и пшпагу, и егда офицера ранят, то должны служить его беречь и отводить, а не солдатам».

По этой инструкции, а перерывах между боями, часто в походной обстановке, проводились постоянные учения

войск, подготавливающие их к генеральному сражению и победе под Полтавой.

Осенью 1708 года Карл XII с нетерпением ожидал присоединения к нему отряда генерала Левенгаупта, шедшего из Риги с обозом боеприпасов, в которых шведская армия испытывала острую нужду. Разведка А. Д. Меншикова установила, что численность войск Левенгаупта вдвое больше, чем предполагалось. Это важное донесение Меншиков отправил Петру I специальным полевым курьером. В это время Петр I, возглавлявший конный отряд, стремился насчитать Левенгаупта и дать ему бой. Получив донесение от Меншикова, Петр I через ординарца приказал отряду Боура, находившемуся в другом районе, присоединиться к нему. Приказание Боуром было получено, и он прибыл в указанный пункт (к селу Рабовичи). В результате сражения 28 сентября у деревни Лесной отряд Левенгаупта был разбит. Петр I отозвался о сражении под Лесной как «о матери Полтавской баталии» [15, С. 23].

Только благодаря хорошо организованной разведке и поддержанию связи с ней и между отдельными отрядами Петр I всегда знал положение и состав войск противника и упреждал его действия. Доведение воли командира до подчиненных стало обеспечиваться ординарцами, курьерами, посыльными.

В итоге все названные мероприятия и позволили Петру I создать регулярную, боеспособную русскую армию. Это блестяще подтвердила победа в битве под Полтавой, в ходе которой была разгромлена армия шведского короля Карла XII.

В Полтавском сражении проявились замечательные боевые качества обновленной русской армии и военное искусство царя-полководца, переломившие ход Северной войны.

27 июня 1709 года разыгрался Полтавский бой. Хорошо по тому времени развитый аппарат управления обеспечил Петру I и его ближайшим помощникам сбор необходимых данных об обстановке и руководство войсками в сра-

жении. Управление войсками в бою осуществлялось главным образом приказами и распоряжениями. Распоряжения, приказы и приказания передавались через адъютантов и ординарцев, а для пересылки письменных документов на поле боя использовались и посыльные. Управление войсками осуществлялось также командирами, личным примером начальников и сигналами. Для подачи сигналов применялись трубы, барабаны, ракеты.

В некоторых случаях для установления связи с войсками через голову противника в русской армии использовалась и артиллерия, стрелявшая полыми ядрами с вложенными в них записками. Таким способом 4 июня 1709 года была установлена связь Петра I с полковником А. С. Келиным, комендантом Полтавской крепости, осаждаемой шведами. В своем послании Петр I благодарил гарнизон за «подвиги мужества» [15, С. 30].

Полтавская победа закрепила успехи русских войск в Прибалтике и сыграла огромную роль в истории не только России, но и всей Европы. Она сохранила независимость русского государства и предрешила победный исход всей Северной войны. Великий революционный демократ В. Г. Белинский писал: «Полтавская битва была не простое сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови; нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства» [1, С. 445].

В следующем 1710 году были взяты Рига, Ревель и Выборг. Победа России была очевидной.

Примерно к 1711 году выявилась нерентабельность «почты в полки», когда на очень короткий срок прокладывалась новая или восстанавливалась старая почтовая линия. В большинстве случаев это делалось силами армии и отнимало большое количество солдат, преимущественно кавалеристов. Например, только на линии Смоленск-Витебск-Великие Луки-Новгород рабо-

тало восемь офицеров, 12 писарей, 26 урядников и 370 драгун. А всего временные линии военные линии обслуживало не менее 6 тысяч всадников [2].

Указом от 14 августа 1711 года прекращается доставка корреспонденции между городами Витебском и Лепелем. С этого дня начинается реорганизация «почты в полки». На ряде линий солдаты передают свои обязанности ямщикам, т. е. временные, созданные для военных нужд, почты становятся постоянными, гражданскими.

Выражение «полевая почта» впервые появилось в документах 1712 года. Окончательно закреплено 30 марта 1716 года, когда Петром I был принят Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно, куда вошла глава XXXV «О чине полевой почты»: «Понеже при войске многие корреспонденции, ради различных случаев и дел отправлены имеют быть, дабы не токмо главному от войска обо всем доношение чинить своему государю, в каком состоянии оно находится, и что при оном войске чинится... а иногда войско в пустой земле и далеко от города стоять принуждено, того ради требует нужда, чтоб при войске полевая почта учреждена была, которая должна несколько почтовых лошадей для отправки курьеров содержать...» [16].

Полевая почта существенно отличалась от «почты в полки». Последняя в большинстве случаев прокладывалась вновь в том направлении, куда пошли войска. На почте устраивались ямы с определенным числом гонцов и лошадей. Они возили корреспонденцию «от стана до стана». До 1716 года на новые станции чаще всего брали коней и корма у местного населения.

Полевая почта обходилась только армейскими резервами. В большинстве случаев почтальон, не говоря уже о курьере, вез корреспонденцию из полка

до ближайшей почты, меняя на промежуточных станах только лошадей. Это было вызвано тем, что полевая почта имела сравнительно небольшой радиус действия, редко свыше 100 верст. Для сношений армии с уже существующими стационарными отделениями связи и учреждалась полевая почта.

Через полевую почту проходило много различной корреспонденции: главнокомандующий доносит о своих действиях царю. «Главному от войска» посылают рапорты командиры отдельных частей и получают его распоряжения, идет переписка между армиями, господа офицеры отправляют свои грамотки родным и знакомым, большое количество писем шло в полки из столицы. Вооруженные силы не всегда квартируются в местах, где проходят линии государственной почты, как говорилось в Уставе, «иногда войско в пустой земле и далеко от городов стоять принуждено» [16].

Полевая почта состояла при командующем войсками. В крупных военных соединениях и в отдельно действующих полках создаются полевые почтовые отделения. В состав службы связи входили: почтмейстер, два писаря и несколько почтальонов.

Почтмейстер собирал письма, содержал почтовых лошадей, ведал связью с ближайшими почтовыми пунктами. Писари почту регистрировали, почтальоны стояли на временных станах и развозили письма. Были утверждены должности полевого почтмейстера и вместо употреблявшегося ранее слова «почтарь» введено новое наименование «постильон» (почтальон), послужившие впоследствии образцом для одноименных должностей в почтовых конторах.

По своей структуре воинская полевая почта практически ничем не отличалась от гражданской. К ней предъявлялись те же требования по сохранности писем и скорости доставки. «Почтальоны, – говорилось в Уставе, – осторожно и спешно поступать должны».

При командующем и нижестоящих командирах состояли адъютанты различных рангов, которые играли большую роль в управлении войсками. Они доставляли письменные приказы и передавали устные распоряжения, а также следили за исполнением этих приказов и распоряжений.

С введением квартирмейстерских отделов и учреждением института адъютантов в русской армии зарождались ячейки будущих общевойсковых штабов.

При армии состояли также курьеры. В обязанности курьеров входило доставка срочных депеш. О значении применения полевых курьеров в XXXIX главе Устава воинского говорилось: «Полевых курьеров надлежит несколько при войску быть, понеже оных служба при войску зело потребна есть... сей чин зело трудный есть, чего для имеют молодые и твердые люди употреблены быть, дабы они денно и ночью путь свой почтою имели с поспешанием, и нигде не медлили» [16]. Полевых курьеров отправляли только к царю или в Военную коллегию.

Кроме того, Устав 1716 года предусматривал прикомандирование к армии и дивизиям от частей специальных лиц – ординарцев. Назначение и характер службы ординарцев определялись следующим образом: «Как в войске, так и в дивизии, надлежит от каждого полку или батальона, хотя в мирное, или в военное время, прапорщика, или унтер оофицера, в генеральской квартире нарочно к тому определенных ординарцев иметь... Для того, ежели в скорости какие указы по полкам разосланы имеют быть, оные в назначенное время развести могли» [16].

Ординарцы от частей и соединений использовались для связи только с той частью или соединением, от которого они выделялись. Следовательно, за каждым соединением (частью) закреплялись конкретные люди, знавшие своих командиров и их местопребывание.

Военные связисты принимали непосредственное участие в боевых действиях. Так, 18 августа 1708 года почто-

вый курьер сержант Андрей Корзин и двое сопровождающих были отправлены фельдмаршалом Б. П. Шереметевым с «нужными и важными письмами» в Москву. Из армии курьер ехал на Оршу к ближайшей почтовой станции. Всадники проскакали уже много верст, и лошади притомились. Вдруг впереди показался столб пыли – навстречу мчался шведский разъезд. Курьеры повернули назад. Но лошади шведов были резвее, и они стали нагонять русских. Корзин понял, что от погони не уйти, и решил принять бой. Солдаты спешили, залегли и, как только противник приблизился, встретили его из залпом из мушкетов. Один швед упал, шестеро обратились в бегство. Курьеры продолжили свой путь. Спустя некоторое время, Петр замечал Шереметеву, что военным почтарям нужно давать самых резвых лошадей [2].

По своему внешнему виду служащие полевой почты ничем не отличались от остальной массы солдат. Они носили форму своих частей, которая дополнялась небольшой черной сумкой через плечо. На крышке ее был жестяной орел. На груди военных почтальонов висела медная бляха с государственным гербом. Курьеры возили письма за обшлагом мундира, поэтому им сумки не выдавались. Лишь с 1732 года чинов военной связи всех родов войск одевают в зеленые суконные мундиры одного покроя. Тогда же ликвидировали полковые почтовые отделения, служба доставки корреспонденции остается только при штабах армий.

Сотрудникам полевой почты выдавали порции (пищу для людей) и рационы (лошадиный корм). Почтмейстерской команде полагалось в день 21 порцион и 12 рационов, курьеры, которые по Уставу были «молодые и твердые люди» получали 6 порционов и 2 рациона. Порцион на день составлял: хлеб – два фунта, мясо – 1 фунт, вино – 2 чарки, пиво 1 гарнец². На месяц: соль – 2 фун-

²Фунт=409,5 г; чарка=122,99 мл; гарнец=3,28 л.

та, крупы – полтора гарнца. «Сверх того в квартирах дается сервиз, то есть укус, дрова, свечи, постеля. А по случаю прибавляются и прочие употребляемые вещи к пище». Лошади на сутки получали: овса – 2 гарнца, сена – 16 фунтов, сечки – 2 гарнца, соломы – 1 сноп [16].

В годы Северной войны продолжала действовать цензура частных писем, посылаемых за рубеж. Запрещалось сообщать сведения военного характера и передавать какую-либо иностранную корреспонденцию шведских военнопленных «под потеряннием живота и отнятием всего их (нарушителей) движимого и недвижимого имения». Между тем «всякая корреспонденция, касающаяся корабельного ходу купечества, ижедения и промысла, також каждого о приватных делах да будет попрежнему вольно» [16].

27 июля 1714 года русский галерный флот одержал блестящую победу у мыса Гангут над шведской эскадрой адмирала Эреншильда. В 1720 году русский флот нанес у острова Гренгам (Аланские острова) крупное поражение шведским морским силам. Дальнейшее сопротивление шведов становилось бессмысленным.

30 августа 1721 года в финляндском городе Ништадт был подписан мир, по которому Ингермаландия, Эстляндия, Лифляндия и Карельский перешеек отошли России. Ценою тяжелой и длительной борьбы Россия добилась свободного выхода к Балтийскому морю, без чего невозможно было ее дальнейшее экономическое и культурное развитие.

В 1721 году Россия – победительница в Северной войне – стала империей, а вооруженные силы – Русской императорской армией.

Таким образом, Северная война явилась поистине переломным периодом в истории России. Реформы царя-преобразователя охватили все сферы государственно-политической и общественной жизни страны, определив на

длительную перспективу ее развитие по пути великодержавия.

Упорная война со шведами потребовала от нашего Отечества средств и напряжения сил, чтобы достигнуть господства на Балтийском море. В этой продолжительной борьбе немаловажная роль принадлежит Архангельску. Можно с уверенностью говорить, что решение сделать Россию морской державой Петр I принял после первой поездки в Архангельск. Море и корабли навсегда покорили его.

Но не только флот являлся заботой Петра. Армия тоже входила в круг реформаторских преобразований Петра на протяжении всей его жизни.

После поражения русской армии под Нарвой в 1700 году началась бурная деятельность по созданию нового типа армии – регулярной.

Система управления войсками получила стройную организацию. Создается Военная коллегия (1719) как орган централизованного управления, вводится должность генерал-квартирмейстера с его аппаратом (образ общевойсковой штаба). На время боевых действий создается «почта в полки».

Выражение «полевая почта» впервые появилось в документах 1712 года. Окончательно закреплено 30 марта 1716 года, когда Петром I был принят Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведении, что каждому чинить должно [16], куда вошла глава XXXV «О чине полевой почты». Для связи используются полые ядра и вводится новое средство сигнализации – сигнальная ракета. В походе доведение воли командира до подчиненных стало обеспечиваться новыми должностными лицами – адъютантами, курьерами, посыльными и ординарцами; введена должность полевого почтмейстера.

Получила дальнейшее развитие и государственная почта. Проложены новые почтовые тракты от Москвы до Во-

ронеза, от Петербурга ко всем крупным городам. Была учреждена должность генерал-почт-директора, что централизовало управление почтой. Все это способствовало улучшению управления войсками.

Издавались новые учебные пособия. По опыту Северной войны были подготовлены многочисленные наставления: «Для военной битвы правила»,

«Воинские статьи», «Упреждение к бою по настоящему времени» (1708), издан новый «Устав воинский» (1716), обобщивший 15-летний опыт непрерывной вооруженной борьбы.

Наряду с созданием регулярной армии происходило строительство военно-морского флота. Главным портовым городом стал Санкт-Петербург.

Список источников и литературы

1. *Белинский В. Г.* Избранные сочинения / Вступ. статья: [«В. Г. Белинский», с. III-XVI] и примеч. Ф. М. Головенченко. М.: Гослитиздат, 1947. 662 с.
2. *Вигилев А. Н.* История отечественной почты: Ч. 2/М.: Связь, 1979. 160 с.
3. Военные уставы Петра Великого. Сборник документов / Под ред. проф. Н. Л. Рубинштейна. М.: Издательство Отдела рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР имени В.И. Ленина, 1946. — 80 с.
4. *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Т. 1. Варшава, 1913. 536 с.
5. *Костомаров Н. И.* Очерк торгового московского государства в XVI-XVII столетиях. / Костомаров Н. И. – СПб.: издание Николая Тиблена. 1862. 299 с.
6. *Ключевский В. О.* «Сказания иностранцев о Московском государстве». / В. О. Ключевский. – М., 1866. 246 с.
7. *Кротков А.* Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году / А. Кротков. - С.-Петербург : Типография Морского Министерства, 1896. - 205 с.
8. *Кротов П. А.* Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга / П. А. Кротов ; ред. Н. В. Кирющенко. - Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2011. - 309 с.
9. *Леер Г. А.* Петр Великий, как полководец // Военный сборник. № 3. 1865. С. 10.
10. *Лефорт Ф. Я.* Сборник материалов и документов / Сост. Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева; отв. ред. Е. Е. Лыкова. М., 2006. № 37. С. 117.
11. Петр Великий на Севере. Сб. статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. А. Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. 168 с.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688-1701) / Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого. — СПб.: Гос. тип., 1887. — 1010 с.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702-1703) / Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого. — СПб.: Гос. тип., 1889. — 822 с.
14. Петрей де Ерлезунда П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал и обнародовал в Лейпциге 1620 г. Петр Петрей де Ерлезунд / перевод с немецкого А. Н. Шемякина. М.: в Университетской типографии (Катков и К), 1867. 574 с.
15. Победы Петра Великого над шведами 200 лет назад: Лесная – Полтава. СПб.: Типография «Товарищество художественной печати», 1908. 48 с.
16. ПСЗ РИ. Т. 3. 1689-1699. № 1470. Там же. Т. 4. 1700-1712 гг. № 2309. Там же. Т. 5 (1713-1719). № 3006.
17. РГАДА. Ф. 50. 1690. Д. 1. Л. 7.
18. РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1702 г. Д. 70. Л. 3-3 об, 4-4 об., 5.
19. РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1, 1702 г. Д. 650. Л. 27 об., 28. Там же. Ф. 1195. Оп. 4. Д. 2. Л. 38-39 об.

20. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. № 216. М., 1828. С. 639 – Указ «Об учреждении Архангелогородской почты».

21. О высочайших пришествиях великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, из царствующаго града Москвы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей, на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении новаго храма в сей крепости. – М.: Иждивением Н. Новикова и Компании Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. 111 с.

22. Тревожные годы Архангельска. 1700-1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Изд. подг. Ю. Н. Беспятых, В. В. Брызгалов, П. А. Кротов. Архангельск, 1993. 430 с.

Мальцева Ольга Львовна – к.воен.н., доцент кафедры экологической безопасности телекоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), malcevakvn@mail.ru

Фортунова Ульяна Владимировна – экономист АО «НТЦ ВСИ «СУПЕРтел ТАЛС», (г. Санкт-Петербург, Россия), taxav@bk.ru

**«TO DELIVER MAIL TO THE CITIES AND DRIVE THROUGH THE PITS
QUICKLY, DAY AND NIGHT WITH GREAT HASTE»
The role of field mail in the Northern War (1700-1721) of Russia
against Sweden**

O. L. Maltseva, U. V. Fortunova

The article examines the trend of development of military postal communication in the Russian army as a means of communication and the features of its work in the Russian war against Sweden on the basis of a wide range of sources. The rich experience of organizing mail, accumulated in the XVII century, was widely used by Emperor Peter I. He carried out major transformations in the postal service to enhance its role and capabilities, which became apparent during its use in the military campaign. A post office from Moscow to Arkhangelsk was established, the "mail to regiments" underwent reorganization and, in accordance with the documents of 1712, the expression "field mail" first appeared, and the Military Charter of 1716 began to contain the rules for the operation of field mail. All this contributed to improving the management of troops and winning the war.

Keywords: The Northern War (1700-1721), the Archangelogorod post office, postal routes, field mail, the Russian North, command and control of troops, the Russian army.

References

1. *Belinskij V. G. Izbrannye sochineniya [Selected works] / Vstup. stat'ya: [«V. G. Belinskij», s. III-XVI] i primech. F. M. Golovenchenko. М.: Goslitizdat, 1947. 662 p. (In Russ)*
2. *Vigilev A. N. Istoriya otechestvennoj pochty: CH. 2 [The history of the Russian post: Part 2] / М.: Svyaz', 1979. 160 p. (In Russ)*
3. *Voennye ustavy Petra Velikogo. Sbornik dokumentov [Military regulations of Peter the Great. Collection of documents] / Pod red. prof. N. L. Rubinshtejna. М.: Izdatel'stvo Otdela rukopisej Gosudarstvennoj ordena Lenina Biblioteki SSSR imeni V.I. Lenina [Publishing House of the Department of Manuscripts of the State Order of Lenin of the USSR Library named after V.I. Lenin], 1946. — 80 p. (In Russ)*
4. *Kozlouskij I. P. Pervye pochty i pervye pochtmejstery v Moskovskom gosudarstve [The first post offices and the first postmasters in the Moscow state]. Т. 1. Varshava, 1913. 536 p. (In Russ)*

5. *Kostomarov N. I.* Oчерк торгового московского государства в XVI-XVII столетиях. [An outline of the commercial Moscow state in the XVI-XVII centuries.] / N. I. Kostomarov SPb.: izdanie Nikolaya Tiblena. 1862. 299 p. (In Russ)
6. *Klyuchevskij V. O.* «Skazaniya inostrancev o Moskovskom gosudarstve». ["Tales of foreigners about the Moscow state"] / V. O. Klyuchevskij. – M., 1866. 246 p. (In Russ)
7. *Krotkov A.* Vzyatie shvedskoj kreposti Noteburg na Ladozhskom ozere Petrom Velikim v 1702 godu [The capture of the Swedish fortress of Noteburg on Lake Ladoga by Peter the Great in 1702] / A. Krotkov. - S.-Peterburg : Tipografiya Morskogo Ministerstva [St. Petersburg : Printing House of the Maritime Ministry], 1896. - 205 p. (In Russ)
8. *Krotov P. A.* Osudareva doroga 1702 goda: Prolog osnovaniya Sankt-Peterburga [Osudareva doroga 1702: The Prologue of the foundation of St. Petersburg] / P. A. Krotov ; red. N. V. Kiryushchenko. - Sankt-Peterburg : Istoricheskaya illyustraciya [Historical Illustration], 2011. - 309 p. (In Russ)
9. *Leer G. A.* Petr Velikij, kak polkovodec [Peter the Great, as a commander] // Voennyj sbornik [Military collection]. № 3. 1865. P. 10. (In Russ)
10. *Lefort F. YA.* Sbornik materialov i dokumentov [Collection of materials and documents] / Sost. T. A. Lapteva, T. B. Solov'eva; otv. red. E. E. Lykova. M., 2006. № 37. P. 117. (In Russ)
11. Petr Velikij na Severe. Sb. statej i ukazov, odnosyashchihsya k deyatel'nosti Petra I na Severe [Peter the Great in the North. Collection of articles and decrees related to the activities of Peter I in the North] / Pod red. A. F. SHidlovskogo. Arhangel'sk, 1909. 168 p.
12. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 1 (1688-1701) [Letters and papers of Emperor Peter the Great. Vol. 1 (1688-1701)] / Komissiya po izdaniyu pisem i bumag imperatora Petra Velikogo [Commission for the Publication of letters and papers of Emperor Peter the Great]. — SPb.: Gos. tip., 1887. — 1010 p. (In Russ)
13. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 2 (1702-1703) [Letters and papers of Emperor Peter the Great. Vol. 2 (1702-1703)] / Komissiya po izdaniyu pisem i bumag imperatora Petra Velikogo [Commission for the Publication of letters and papers of Emperor Peter the Great]. — SPb.: Gos. tip., 1889. — 822 p. (In Russ)
14. Petrej de Erlezunda P. Istorija o Velikom knyazhestve Moskovskom, proiskhozhdenii velikih russkih knyazej, nedavnih smutah, proizvedennyh tam tremya Lzhedmitriyami i o moskovskih zakonah, nrvah, pravlenii, vere i obryadah, kotoruyu sobral i obnarodoval v Lejpcige 1620 g. [The story of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the great Russian princes, the recent troubles caused there by three False Dmitriy and about Moscow laws, customs, government, faith and rituals, which was collected and published in Leipzig in 1620.] / Petr Petrej de Erlezund / perevod s nemeckogo A. N. SHemyakina. M.: v Universitetskoj tipografii (Katkov i K), 1867. 574 p. (In Russ)
15. Pobedy Petra Velikogo nad shvedami 200 let nazad: Lesnaya – Poltava [Peter the Great's victory over the Swedes 200 years ago: Lesnaya – Poltava]. SPb.: Tipografiya «Tovarishchestvo hudozhestvennoj pečati» [Printing house "Association of Art printing"], 1908. 48 p. (In Russ)
16. PSZ RI. T. 3. 1689-1699. № 1470. Tam zhe. T. 4. 1700-1712 gg. № 2309. Tam zhe. T. 5 (1713-1719). № 3006.
17. RGADA. F. 50. 1690. D. 1. L. 7.
18. RGADA. F. 158. Op. 1, 1702 g. D. 70. L. 3-3 ob, 4-4 ob., 5.
19. RGADA. F. 1195. Op. 1, 1702 g. D. 650. L. 27 ob., 28. Tam zhe. F. 1195. Op. 4. D. 2. L. 38-39 ob.
20. Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranyashchihsya v Gosudarstvennoj kollegii inostrannyh del. CH. 4. № 216 [Collection of state certificates and contracts kept at the State Board of Foreign Affairs. Part 4. No. 216]. M., 1828. P. 639 – Ukaz «Ob uchrezhdenii Arhangelogorodskoj pochty» [Decree "On the establishment of the Arkhangelsk post office"]. (In Russ)
21. O vysochajshih prishestviyah velikago gosudarya, carya i velikago knyazya Petra Alekseevicha, vseya Velikiya i Malyya i Belyya Rossii samodержca, iz carstvuyushchago grada Moskvy na Dvinu, k Arhangel'skomu gorodu, troekratno byvshih; o nahozhdenii

shvedskih nepriyatel'skih korablej, na tu zhe Dvinu, k Arhangel'skomu gorodu; o zachatii Novodvinskoj kreposti i o osvyashchenii novago hrama v sej kreposti [About the highest coming of the great sovereign, tsar and great Prince Peter Alekseevich, the autocrat of all Great and Small and White Russia, from the reigning city of Moscow to the Dvina, to the Arkhangelsk city, three times former; about the finding of Swedish enemy ships, on the same Dvina, to the Arkhangelsk city; about the conception of the Novodvinsk fortress and about the consecration the new temple in this fortress.]. – M.: Izhdiveniem N. Novikova i Kompanii Univ. tip., u N. Novikova, 1783. 111 p. (In Russ)

22. Trevozhnye gody Arhangel'ska. 1700-1721: Dokumenty po istorii Belomor'ya v epohu Petra Velikogo [The troubled years of Arkhangelsk. 1700-1721: Documents on the history of the White Sea in the era of Peter the Great] / Izd. podg. YU. N. Bespyatyh, V. V. Bryzgalov, P. A. Krotov. Arhangel'sk, 1993. 430 p. (In Russ)

Maltseva Olga Lvovna – Candidate of Military Sciences, Associate Professor of the Department of Environmental Safety of Telecommunications, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), malcevavkn@mail.ru

Fortunova Ulyana Vladimirovna – Economist at JSC NTC VSP SUPERTEL DALSS (St. Petersburg, Russia), taxav@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 23.07.2024; принята к публикации: 03.09.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Мальцева О. Л., Фортунова У. В. «Поставить почту по городам и гонять по ямам наскоро, днем и ночью с великим поспешанием». Роль полевой почты в Северной войне (1700-1721) России против Швеции // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 3(9).– С. 52-73.

FOR CITATION:

Maltseva O. L., Fortunova U. V. «Postavit' pochtu po gorodam i gonyat' po yamam naskoro, dnev i noch'yu s velikim pospeshaniem». Rol' polevoj pochty v Severnoj vojne (1700-1721) Rossii protiv SHvecii ["To deliver mail to the cities and drive through the pits hastily, day and night with great haste." The role of field mail in the Northern War (1700-1721) of Russia against Sweden] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 3(9). P. 52-73.